

8. *Каратыгин П.А.* Вицмундир // Русский водевиль. – М.: Искусство, 1970. – 424с.
9. *Каратыгин П.А.* Знакомые незнакомцы. – СПб : М.В. Попов, 1841. – 46 с.
10. *Каратыгин П.А.* Натуральная школа. – СПб : Типография императорской академии наук, 1847. – 59 с.

УДК 821.161.1: 82-31 / Достоевский

Ю.В. ЛУГОВСКАЯ
(Киев)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ДИАЛОГИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ В «ЗАПИСКАХ ИЗ ПОДПОЛЬЯ» Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО: ДИАТРИБА И СОЛИЛОКВИУМ

Аннотация.

Луговская Ю.В. Функционирование диалогических моделей в "Записках из подполья" Ф.М.Достоевского: диатриба и солилоквиум

Цель статьи – изучение особенностей диалогических моделей и структур, отражающих внутреннюю речь героя в повести «Записки из подполья» Ф.М.Достоевского. Это солилоквиум и диатриба, которые восходят к античным жанрам из области серьезно-смехового и модифицируются в народно-карнавальную культуру и литературу Нового времени. Выявлены основные приемы и черты этих форм в структуре текста, а также их трансформационные особенности. Кроме того, отмечено также появление у Достоевского особых гибридных, переходных диалогических жанровых моделей, усиление психологизации, последовательная карнавализация.

Ключевые слова: диалог, диалогические жанры, диатриба, солилоквиум, сократических диалог, мениппея, карнавализация.

Анотація.

Луговська Ю.В. Функціонування діалогічних моделей у "Записках з підпілля" Ф.М. Достоевського: діатриба та солілоквіум

Мета статті – вивчення особливостей діалогічних моделей і структур, що відображають внутрішнє мовлення героя у повісті «Записки з підпілля» Ф.М.Достоевського. Це солілоквіум та діатриба, що походять від античних жанрів з області серйозно-сміхового та модифікуються у народно-карнавальній культурі та літературі Нового часу. Виявлені основні прийоми та риси цих форм

у структурі тексту, а також їхні трансформаційні особливості. Крім того, відмічено також появу в Достоевського особливих гібридних, перехідних діалогічних жанрових моделей, посилення психологізації, послідовна карнавалізація.

Ключові слова: діалог, діалогічні жанри, діатриба, солілоквиум, сократичний діалог, меніпея, карнавалізація.

Summary.

Lugovska Julia. Functional specificity of dialogic models in "Notes from Underground" by Fyodor Dostoevsky: diatribe and soliloquium

The object of article is the study of dialogic models and structures which represent the character's interior discourse in «Notes from Underground» by Fyodor Dostoevsky. These are soliloquium and diatribe which derive from the genres from the field of serious and laughable and are modified in the folk-carnival culture and literature of New Age. There were explored the main methods and features of these forms in the text structure and also their transformational tendencies. Furthermore it is significant the appearance of the special hybrid, transition dialogic genre models by Dostoevsky, intensification of psychologisation, consecutive carnivalization (carnavalesque).

Keywords: dialogue, dialogic genres, diatribe, soliloquium, Socratic dialogue, menippea, carnivalization (carnavalesque).

В структуре художественного мира Ф.М.Достоевского особое место занимает диалог, на что в свое время указывали еще Д.Мережковский, В.Розанов и другие. Изучение проблем диалога, диалогичности, многоголосия, полифонии в структуре романов и повестей писателя содержится в работах С.Аскольдова, Б.Грифцова, М.Бахтина, К.Степаняна и других. Однако и сегодня осмысление данного круга проблем и, в частности, типологическое сопоставление структуры диалогичности в творческом наследии писателя с моделями диалогических жанров, остается по-прежнему актуальным. Осмысление данной проблемы позволяет обозначить специфику репрезентации «памяти жанра» (М.Бахтин), в данном случае – диалогических жанровых форм, их сущностные трансформации и модификации в литературе Нового времени и углубить представление о своеобразии художественного мира Достоевского. Материалом для анализа в данной статье послужат «Записки из подполья» (1864), поскольку именно в этом произведении зарождается и развивается как идея «подполья», символизирующего специфический внутренний мир человека, так и идея диалога и диалогичности.

Цель этой статьи – изучение особенностей жанровых структур, восходящих к области серьезно-смехового, в художественном мире Достоевского экспланирующих внутреннюю речь героя, и установление основных векторов модификационных процессов.

Напомним, что внутренний диалог в психологии связывается с диссоциацией личности на составные части и характеризуется наличием воображаемого собеседника. Такая характеристика внутреннего диалога остаётся актуальной и при анализе особенностей внутренней речи героев художественного произведения. Следует также отметить, что в литературоведении существуют различные классификации внутренней речи, которые производятся с учетом разных критериев. В данной статье будут рассматриваться децентрированные внутренние диалоги (то есть с образом реального партнера) и эгоцентрические (то есть такие, в которых образ партнера сливается с образом самого говорящего).

Диалогические жанровые структуры, которые обнаруживают произведения Достоевского, связаны прежде всего с античными жанрами из области серьезно-смехового и имеют глубокие истоки. К таким жанрам относятся, в первую очередь, «Мениппова сатира» или мениппея, сократический диалог, симпозион, солилоквиум и диатриба. В этой статье будут рассмотрены формы солилоквиума и диатрибы и особенности их функционирования в «Записках из подполья» Достоевского.

Напомним, диатриба предполагает наличие воображаемого собеседника и может соотноситься с децентрированными внутренними диалогами, а солилоквиум представляет собой диалог с самим собой, то есть коррелирует с типом эгоцентрического внутреннего диалога. Известно, что указанные диалогические жанры развивались под сильным влиянием других жанровых моделей, в первую очередь мениппеи.

Повесть Достоевского «Записки из подполья» – сложное диалогическое образование, обнаруживающее различные диалогические формы. Вся повесть представляет собой большой, сложный, и, при этом, достаточно цельный диалог.

В основе диалогической структуры повести лежит внутренняя речь героя, построенная по принципу диатрибы, и ее приемы становятся основополагающими. При анализе «Записок из подполья» выделяется ряд внутренних диалогов героя, отражающих особенности его внутренней

речи, которые строятся по принципу солилоквиума. Кроме того, в «Записках из подполья» выделяются также примеры смешанных, своеобразных синтетических моделей, которые обнаруживают как признаки, входящие к солилоквиуму, так и к диатрибе. Указанные модели трансформируются, и один из главных векторов трансформационных процессов – сильнейшее влияние жанровой модели мениппеи.

Оформление внутренней речи героя в «Записках из подполья» являет сюжетообразующее и композиционное значение и становится основой повествования, ведущегося от первого лица и обращенного к воображаемому собеседнику – возможному читателю «записок», которые ведет герой. Следует отметить постоянную игру с этим собеседником, обращения к нему: *«Уж не кажется ли вам, господа, что я теперь в чем-то перед вами раскаиваюсь, что я в чем-то у вас прощения прошу?..»* [Достоевский 1973: 100], *«Наверное, вы думаете, господа, что я вас смешить хочу?»* [Достоевский 1973: 101], *«Мне теперь хочется рассказать вам, господа, желается или не желается вам это слышать...»* [Достоевский 1973: 101] и т.д. При этом герой неоднократно заявляет на страницах своих «записок», что ведет он их исключительно для себя, а форма обращения к читателям выбрана лишь для удобства оформления и ведения этих записок. Однако на всех уровнях текста проявляется диалогическая установка и направленность на общение, на чужое сознание и чужое восприятие: это и стилизованное предисловие к «Запискам из подполья», и постоянные обращения к читателям, и введение в текст их предполагаемых реплик, ответов на высказывания и размышления героя, возражений и т.д. Таким образом, происходит диалогизация самого сознания и процессов мышления героя, которая находит отражение в его внутренней речи, очень эмоциональной и неровной.

Усиление психологизации, главной функцией которой становится отображение внутреннего состояния и переживаний героя, становится одной из главных трансформационных тенденций при репрезентации диалогических жанровых моделей в произведении. Это касается всех примеров диалогических форм, однако в тех из них, где фиксируется внутренняя речь, трансформации приобретают особенное значение. Если же говорить о диалогической направленности повести, то обращение к воображаемому читателю «записок» постепенно перерастает в обраще-

ние к некоему воображаемому собеседнику, как будто бы находящемуся рядом и способному ответить или возразить. Это – черты жанра диатрибы, представляющей собой именно такое диалогическое общение с отсутствующим собеседником, образ которого возникает в сознании героя [Бахтин 1994], [Ковалів 2007].

Образ партнера по диалогу в примерах диатрибы в «Записках из подполья», как правило, выражен достаточно ярко, то есть их можно назвать децентрированными внутренними диалогами. Партнер выступает как актуальный собеседник, несмотря на свое фактическое отсутствие. По функциональной направленности большинство таких диалогов можно рассматривать как попытку героя разобраться в самом себе и в «подполье» своего внутреннего мира. Кроме того, стоит обратить внимание и на такие приемы, как намеренное сгущение отрицательной информации, попытка представить себя хуже, чем есть на самом деле. Большинство этих диалогов имеют патологический характер, они очень эмоциональны, хотя при этом протекают при высокой степени осознанности, несмотря на явно болезненное состояние героя.

Для многих внутренних диалогов в «Записках из подполья» характерна постоянная и резкая смена настроения и – как результат – изменение самого характера речи. Речь «подпольного человека» то очень неровная и сбивчивая, эмоциональная, то более спокойная и размеренная, настроение становится более ровным, появляются рассуждения героя на различные темы. Таким образом, диалогизированная внутренняя речь героя отражает изменения его психологического состояния.

Необходимо также отметить и функционирование в структуре «Записок из подполья» приемов других диалогических жанров, несомненным в данном случае оказывается влияние мениппеи. В первую очередь обращает на себя внимание важнейший прием мениппеи: морально-психологическое экспериментирование, то есть изображение человека в нестандартных, аномальных или различных измененных моральных и психологических состояниях. Эта ярчайшая черта связана с карнавальной основой этого жанра [Бахтин 1994: 325-326]. Мотив болезни, также важный и значимый для мениппеи, реализуется и в рассуждениях героя о сознании и его природе. Человеческое сознание герой отождествляет с душевной болезнью (опять же – морально-психологическое эксперимен-

тирование мениппеи). Также интересен в данном случае образ Петербурга, который появляется в рассуждениях героя. Петербург представляется ему «нездоровым городом»: человек, имеющий *«сугубое несчастье обитать в Петербурге, самом отвлеченном и умышленном городе на всем земном шаре»* [Достоевский 1973: 100]. Восприятие Петербурга как «нездорового» города характерно и для других произведений Достоевского («Двойник», «Преступление и наказание», «Идиот»).

С морально-психологическим экспериментированием связано и появление в произведении яркого образа «подполья» как внутреннего мира героя – пространства его сознания. Тема сознания и самосознания вообще оказывается актуальной для «подпольного человека» и появляется в его внутренних диалогах неоднократно. Зарождается и развивается идея «подполья» как воплощения внутреннего мира человека со всеми его «лазейками», привычками и т.д. При этом это «подполье» сознания и внутреннего мира для героя предстает как какой-то отрицательный внутренний хронотоп, ключевыми словами в описании которого становятся «вонь» и «грязь».

Другой интересный мотив, появляющийся во многих примерах схемы диатрибы в «Записках из подполья» и связанный с влиянием жанровой модели мениппеи, – мотив унижения и наслаждения от этого унижения, трансформирующийся в мотив самоунижения: *«я подлец»*, *«гадость совершил»*, *«подлое дело»* и т.д. В этом осознании своей подлости и своего унижения на самом деле очень много от попытки удивить, шокировать, эпатировать своего воображаемого собеседника и показаться хуже, чем на самом деле. Таким образом, оформляется одна из важнейших черт жанровой модели мениппеи – эксцентрическое поведение [Бахтин 1994: 236-237]. «Подпольный человек» играет со своим собеседником, провоцирует его.

Нельзя не отметить и мотив превращения, также важный для мениппеи, так как карнавальное мироощущение тесно связано с переодеванием и масками, то есть, по сути, – с превращениями. В связи с этим можно отметить мотивы насекомого, с которым в некоторых эпизодах ассоциирует себя «подпольный человек», а также мыши («сознающей мыши»). И насекомое, и мышь, к тому же, являются существами, принадлежащими к миру хтоники, что также отсылает нас к жанровой модели мениппеи, для

которой характерно трехпланное построение мира, а особенно важным оказывается инфернальное пространство, обитателями которого часто становятся животные, соотносимые с хтоническим миром.

Таким образом, мениппея и сократический диалог оказывают сильное влияние на жанровую модель диатрибы, что приводит к усилению психологизации. Во многом этому способствуют многочисленные повторы, а также множество риторических восклицаний, вопросов, обращений и т.д. Опять же здесь в центре внимания оказывается попытка провоцирования предполагаемого собеседника. Это и резкий тон, и элементы игры (в первую очередь, психологической), и манера высказываний, что свидетельствует о применении такого приема сократического диалога, как анакриса (то есть провоцирование слова словом, попытка заставить собеседника высказаться до конца). Провокация достигается также за счет намеренного усиления отрицательного настроения высказываний героя о себе, своем внутреннем мире, рассуждений о своих поступках. «Подпольный человек» сгущает краски, и отрицательное настроение в каждом из его внутренних диалогов возрастает. Герой как будто бы нагнетает это ощущение, с чем также связана своеобразная психологическая игра с собеседником и провокация, в результате которой собеседник должен высказать свое мнение, свою точку зрения, которая входит в мир героя наравне с его точкой зрения и его мировосприятием. Несмотря на то, что «подпольный человек» отрицает важность для него чужого мнения (что можно рассматривать как своеобразную форму игры), слово другого человека о нем приобретает для «подпольного человека» необыкновенную значимость, что проявляется даже в самой форме произведения, основой которого становится именно модель диатрибы, предполагающей участие в коммуникации воображаемого собеседника.

Наравне с усилением психологизма, последовательной карнавализацией и другими чертами мениппеи необходимо отметить и важность иронии, которая касается и самого героя, когда он говорит о себе и своем мире, и многих его размышлений, например, об устройстве мира. Ирония здесь теснейшим образом связана с мотивом игры и провокацией. Вспомним, например, рассуждения героя о человеческом обществе, которое он сравнивает с муравейником, а также образ хрустального дворца, которому герой хочет показать язык, и противопоставленный этому

дворцу образ курятника, в котором «подпольный человек» все же не хочет жить. Герой как будто бы пытается дразнить этот мир и все человечество, с чем тесно связан и мотив игры. Иронический модус коррелирует с приемами мениппеи и сократического диалога.

Таким образом, отметим, что несмотря на несомненное влияние структур других диалогических жанров и активное применение их приемов, модель диатрибы все же оказывается основной в «Записках из подполья» и демонстрирует развитие самой идеи диалогизации и установки на диалогическое общение с другими полноправными сознаниями.

Структура внутренней речи в «Записках из подполья» обнаруживает и модель, восходящую к солилоквиуму. Как указывалось выше, солилоквиум представляет собой форму диалогического общения с самим собой, что связано в первую очередь с диалогическим отношением к себе и с открытием так называемого «внутреннего человека» [Бахтин 1994], [Ковалів 2007]. В качестве примера солилоквиума выступает следующий внутренний диалог: *«Ведь дернуло же, дернуло же выскочить! – скрежетал я зубами, шагая по улице, – и такому подлецу, поросенку, Зверкову! Разумеется, не надо ехать; разумеется, наплевать; что я, связан, что ли? Завтра же уведомя Симона по городской почте...»* [Достоевский 1973: 138]. Здесь образ собеседника сливается с образом самого героя, создается тип эгоцентрического внутреннего диалога. Несмотря на достаточно высокий уровень эмоциональности данный внутренний диалог достаточно осознан и логичен, хотя речь героя предстает неровной, что усиливает психологизм, подчеркивает болезненное и полубезумное состояние героя и натянутость всего происходящего.

Модели солилоквиума встречаются во многих эпизодах повести, многие из них обнаруживаются в сцене со скандалом во время приготовления к проводам Зверкова, в сцене в ресторане, в беседах с Лизой и т.д. Как и в случае с диатрибой, в примерах функционирования модели солилоквиума отметим повышенную эмоциональность и неровную, сбивчивую речь героя, что, в свою очередь, акцентирует психологизацию и моделирует ситуацию морально-психологического экспериментирования, восходящую к мениппе.

Наряду с применением приемов солилоквиума и диатрибы внимания заслуживают также специфические комбинированные, переходные явле-

ния, фиксирующие внутреннюю речь персонажа. Речь идет о своеобразных синтетических примерах диалогических моделей, совмещающих в себе как признаки внутреннего диалога с самим собой, так и черты диалога с воображаемым собеседником. При этом окончательное и однозначное определение этих явлений как примеров той или иной схемы не представляется корректным. Подобных внутренних диалогов в повести достаточно много, и невозможно утверждать, что образ потенциального партнера самостоятелен. Например, во время одного из разговоров «подпольного человека» с Лизой: *«Я, впрочем, не скоро согласился признать эту истину. Проснувшись наутро после нескольких часов глубокого, свинцового сна и тотчас же сообразив весь вчерашний день, я даже изумился моей вчерашней сантиментальности с Лизой, всем этим «вчерашним ужасам и жалостям». «Ведь нападёт же такое бабье расстройство нервов, тьфу! – порешил я. – И на что это мой адрес я всучил ей? Что, если она придет? А, впрочем, пожалуй, пусть и придет, ничего...» Но, очевидно, главное и самое важное дело теперь было не в этом: надо было спешить и во что бы то ни стало скорее спасти мою репутацию в глазах Зверкова и Симонова. Вот в чем было главное дело. А про Лизу я даже совсем и забыл в это утро, захопотавшись»* (выделено нами – Ю.Л.) [Достоевский 1973: 164]. В данном случае диатриба выступает своеобразной «рамкой», в середине – внутренняя речь, являющая признаки солилоквиума (в цитате выделено курсивом). Данный микродиалог отличается сильной эмоциональностью. Подобные диалогические образования являют специфическую для Ф.М.Достоевского переходную, комбинированную диалогическую форму, совмещающую в себе признаки различных моделей.

Подведем итоги. Внутренняя речь в «Записках из подполья» приобретает первостепенное значение, повесть представляет собой сложное диалогическое образование, в котором выявляются структуры многих диалогических образований, восходящих к жанрам из области серьезно-смехового, однако особенно ярко представлены диалогические формы диатрибы и солилоквиума, отражающие особенности внутренней речи и внутреннего мира «подпольного человека». Структура всего произведения моделирует схему достаточно цельной диатрибы, внутри которой организованы все остальные диалогические формы, поддающиеся значи-

тельному переосмыслению и трансформации. Так, примеры этих диалогических моделей поддаются последовательной карнавализации, эмоциональная и сбивчивая речь героя, а также применение характерного для мениппеи приема морально-психологического экспериментирования способствуют усилению психологизма. Кроме того, в «Записках из подполья» активно функционируют элементы сократического диалога, мениппеи и симпозиона, чему будет посвящена отдельная статья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баевский В.С.* Пушкин – Гоголь – Достоевский: Карнавал, сократический диалог, мениппова сатира, симпозион, солилоквиум, диатриба // Международная научная конференция «Достоевский и Пушкин. Исследование творческих связей»: Сборник статей. – Новгород, 1998. – С. 23-25.
2. *Баранов А.Н., Крейдлин Г.Е.* Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // Вопросы языкознания. – 1992. – №2. – С. 84-99.
3. *Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского // *Бахтин М.М.* Собрание. Проблемы творчества Достоевского – К., 1994. – С. 205-492.
4. *Бахтин М.М.* К стилистике романа // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: В 7 т. – Т.5. – М., 1997. – С. 138-141.
5. *Бахтин М.М.* Дополнения и изменения к Рабле // *Бахтин М.М.* Собрание сочинений: В 7 т. – Т.5. – М., 1997. – С. 80-130.
6. Бахтинология: исследования, переводы, публикации. К 100-летию со дня рождения / Под ред. К.Г. Исупова. – СПб., 1995.
7. Бахтинский тезаурус. Материалы и исследования. Диалог и монолог – становление категорий // Сборник статей РГГУ. – М., 1997.
8. *Библер А.С.* Диалог. Сознание. Культура (Идея культуры в работах М.М.Бахтина) // Одиссей, 1989. – М., 1989.
9. *Борисова И.Н.* Русский разговорный диалог. Структура и динамика. – М., 2007.
10. *Достоевский Ф.М.* Записки из подполья // *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. – Т. 5. – Л., 1973.
11. *Изотова Н.В.* О тенденциях изменения диалога в художественной литературе. – Эл. ресурс: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/participants/psearch.php?pid=25280>
12. *Ковалів Ю.І.* Літературознавча енциклопедія. К., 2007.
13. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Под ред. Н.Д. Тамарченко. – М., 2008.

14. Степанян К. «Сознать и сказать». «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф.М.Достоевского. – М., 2005.
15. Худобина Е.Ю. Проблема внутреннего диалога в психологии. – Эл. ресурс: <http://www.psi.lib.ru/statyi/sbornik/dlgprob.htm>
16. Göttert K.H. Einführung in die Rhetorik: Grundbegriffe, Geschichte, Rezeption. – München, 1998.
17. Gröben N., Wahl D., Schlee J., Scheele B. Das Forschungsprogramm Subjektive Theorien. Eine Einführung in die Psychologie des reflexiven Subjektes. – Tübingen, 1988.

УДК 821.161.1: 82-31 / Достоевский

Ю.А. ВИНОГРАДОВА
(Киев)

ЭЛЕМЕНТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ГОТИКИ В РОМАНЕ «ИДИОТ» Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация.

Виноградова Ю.А. Элементы литературной готики в романе «Идиот» Ф.М. Достоевского

В статье рассматриваются стилистические и жанровые особенности, прослеживающиеся в европейском готическом романе, в их связи с поэтикой и стилистикой романа «Идиот» Ф. М. Достоевского. В романе прослеживаются реминисценции с творчеством В. Гюго и Э.Т.А. Гофмана, эмблематический характер и суггестивная функция портретов, а также замок как специфический тип хронотопа в готическом романе и его модификация в романе, а также устойчивые мотивы сна и безумия как связующие компоненты готического жанра и романа «Идиот».

Ключевые слова: готический стиль, готический роман, реминисценции, хронотоп.

Анотация.

Виноградова Ю.О. Елементи літературної готики в романі «Ідіот» Ф.М.Достоевського

У статті розглядаються стилістичні та жанрові особливості, що простежуються у європейському готичному романі, у їх взаємозв'язку з поетикою та стилістикою роману «Ідіот» Ф.М.Достоевського. У романі простежуються ремінісцен-